

УДК 398.344 (517.17)
DOI 10.17223/19988613/45/15

Е.А. Орлова, В.В. Челухоев

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЕЛЕУТОВ

Рассматривается символическое значение предметов домашнего обихода в традиционной культуре телеутов. Делается вывод о том, что символическое значение данных предметов было связано с культом плодородия. Это объясняется их формой, ассоциировавшейся с мужским или женским началом; парностью, которая трактовалась как объединение этих противоположных начал; выполняемыми функциями, связанными с приготовлением и потреблением пищи. Также авторы показывают, в какой степени подобные представления сохранились у телеутов до настоящего времени. Данная информация полезна для реконструкции традиционного мировоззрения телеутов и сохранения их культурного наследия.

Ключевые слова: телеуты; символика; предметы домашнего обихода; традиционное мировоззрение.

Предметы домашнего обихода, окружающие человека, выполняют целый ряд функций. Помимо практических функций, обеспечивающих выживание людей, они способствуют передаче знаний не только от поколения к поколению, но и между народами – носителями различных культур. Объясняется это тем, что любой предмет отражает миропонимание своего создателя, который вкладывает в изготовленную вещь представления о мире, свойственные также всему своему народу на конкретном этапе исторического развития. Поэтому выявление смыслов, которыми люди наделяли предметы, позволяет реконструировать мировоззрение того или иного общества.

Реконструкция мировоззрения приобретает особую актуальность при изучении традиционной культуры коренных малочисленных народов, так как в настоящее время им зачастую сложно поддерживать свойственный им жизненный уклад. Территория проживания этих народов нередко оказывается в зоне экономических интересов крупных компаний, заинтересованных в использовании природных ресурсов региона. Для Южной Сибири, например, это будет добыча угля, руд различных металлов, использование рекреационных ресурсов и т.д.

В Кузбассе проживают два народа, отнесенные федеральным законодательством к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, – шорцы и телеуты. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность шорцев, проживающих на территории Кузбасса, составляет 10 672 чел. (12 888 в РФ), телеутов – 2 520 чел. (2 643 в РФ) [1]. Около 2 тыс. телеутов живут в сёлах Беково, Челухоево, деревнях Верховская, Шанда, селе Ново-Бачаты на территории Беловского и Гурьевского муниципальных районов Кемеровской области.

В местах проживания бачатских телеутов (юг Кемеровской области) расположены угольные разрезы – «Бачатский» и «Шестаки». Также эта территория частично входит в сферу производственной деятельности

Западно-Сибирского металлургического комбината [2. С. 96]. Таким образом, из-за промышленного освоения и загрязнения становятся невозможны многие типичные для телеутов виды хозяйственной деятельности – например, охота, в том числе на сусликов, и скотоводство. Вместе с отказом от некоторых видов деятельности отпадает необходимость в использовании соответствующих орудий труда и предметов быта. Также происходит утрата связанных с ними образов и смыслов.

Актуальность исследования символического значения предметов домашнего обихода определяется той ролью, которую они играют в традиционном жизненном укладе любого народа. Набор этих предметов, как правило, ограничен и проверен многовековым опытом. Отношение к предметам домашнего обихода в традиционных культурах отличается бережностью и является собой выгодный контраст с современным обществом. Рост производства и потребления, характерный для настоящего времени, ведёт к истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды, поэтому изучение опыта традиционных культур по выстраиванию взаимоотношений человека и вещного мира может быть полезным для современного общества.

Объектом исследования данной статьи являются такие предметы домашнего обихода телеутов, как посуда и некоторые орудия труда. Предметом исследования стало символическое значение предметов домашнего обихода в культуре телеутов. В связи с этим целью исследования является рассмотрение символического значения некоторых обиходных предметов в традиционной телеутской культуре.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить набор предметов повседневного обихода, свойственных традиционному телеутскому быту; выявить символическое значение данных предметов.

Первоначально исследователи, внёсшие значительный вклад в изучение тюркских народов Южной Сибири, такие, например, как В.В. Радлов, В.И. Вербицкий, описывая народный быт и духовные представления

телеутов, не ставили своей целью анализ символического значения предметов повседневного обихода. В советское время исследователи Н.П. Дыренкова, Л.Э. Каруновская, Д.В. Кацюба, Л.П. Потапов ввели в научный оборот важные данные относительно шаманства, свадебного и погребального обрядов, а также дали характеристику многих аспектов традиционного хозяйства телеутов.

Большой вклад в понимание сущности вещи как символа и способа трансляции культурных смыслов в рамках структурно-семиотического подхода внесли Вяч.Вс. Иванов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, Т.В. Цивьян, а также А.К. Байбурун, Д.М. Сегал, А.Л. Топорков, М.Н. Эпштейн и др.

Для определения места предметов домашнего обихода в традиционной картине мира тюрков Южной Сибири важнейшее значение имеют работы Э.Л. Львова, И.В. Октябрьской, А.М. Сагалаева, М.С. Усмановой, в которых раскрывается единство утилитарной и символической функций вещей. Особое место здесь принадлежит трёхтомнику «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири».

Вещь как символ в традиционной культуре тюркских народов также рассматривалась в работах П.К. Дашковского и С.М. Карымовой, как, к примеру, «Вещь в традиционной культуре Центральной Азии: философско-культурологическое исследование».

Ценные сведения по телеутскому фольклору, позволяющие реконструировать многие элементы картины мира телеутов, были опубликованы в работах Д.А. Функа.

Однако многие вопросы, связанные с интерпретацией символического значения предметов быта у телеутов, освещены недостаточно. Например, интерес представляет наделение предметов символикой, связанной с культом плодородия.

В процессе исследования авторы применяли различные методы. Они опирались на опубликованные этнографические материалы различных лет, а также на результаты собственных полевых исследований (преимущественно включённого наблюдения, так как один из авторов постоянно проживает среди телеутов), хранящихся в архиве музея-заповедника «Томская Писаница». Для обработки полученной в ходе наблюдения и опросов информации были использованы описательный метод, типологический – выделение у предметов обихода неких признаков, позволяющих объединить их в группы (парные предметы и т.д.), сравнительно-исторический – авторы привлекали этнографические материалы по другим тюркским народам (шорцам, алтайцам, киргизам) для выявления общего и особенного.

Для определения символического значения того или иного предмета авторы применяли структурно-семиотический метод, согласно которому в традиционной культуре вещь сообщает человеку определённую информацию и обязательно отражает свой исто-

рико-культурный контекст. Бытие вещи представляется как единая семиотическая система, каждый элемент которой соотнесён со всеми другими элементами и все они «участвуют в единой всеобъемлющей метафоре» [3. С. 39].

Научная новизна проведённого авторами статьи исследования состоит в том, что впервые была определена связь символического значения предметов домашнего обихода в телеутской культуре с культом плодородия.

Представление о символическом значении той или иной вещи можно получить, исследуя её форму, материал, из которого она изготовлена, отделку, выполняемые ей функции в народном быту. Также многое можно узнать из её названия.

Следует помнить, как было отмечено А.К. Байбуруным, что в традиционных обществах «отсутствует <...> разделение на мир знаков и мир вещей, которые так характерны для современного общества. Здесь вещи всегда суть знаки, но и знаки суть вещи. <...> При вхождении в некоторую семиотическую систему (например, в ритуал) они функционируют как знаки, при выпадении из системы – как вещи» [4. С. 71].

В традиционном телеутском быту широко использовались чугунные котлы, деревянные вёдра, сосуды из кожи, деревянные блюда, деревянные чайные чашки, большие и маленькие ступы, ящики и сундуки.

С.М. Карымовой была отмечена интересная особенность представлений о вещном мире тюркских народов – практически полное отсутствие преданий и легенд о генезисе вещи. В мифах о сотворении мира говорится, что ряд предметов уже существовал, с их помощью происходило создание мира (посох, черпак, ковш и т.д.). Вещный мир представлялся не столько достижением человека, сколько данностью мира божественного. Орудия труда, созданные богами верхнего (Тенгри, Ульгень) или нижнего мира (Эрлик), проникают в жизнь человека вместе с самим актом творения мира [5].

Так, в легендах южносибирских тюрков мир был создан с помощью ковша (по-телеутски *көпшик*) и мутовки (по-телеутски *қалбууи*). Шорское сказание «Кан Кес» описывает этот процесс следующим образом: «Давным-давно это было... / Прежнего поколения позже, / Нынешнего поколения раньше. / Это было в то время, когда мешалкой горы делили, / Когда ковшом воду делили, / Пробиваясь белое море текло. / Нагромождаясь, золотая гора вырастала...» [6. С. 25–27]. Подобное соотнесение данных предметов с актом творения можно объяснить, во-первых, функцией – с их помощью можно как разделять, так и соединять, смешивать продукты, во-вторых, формой – с некоторой долей условности их можно рассматривать как символы противоположных начал – мужского (мутовка) и женского (ковш). Тем более что в традиционной культуре вода и всё связанное с ней часто соотносится с женским началом и Нижним миром.

По-телеутски ступка и пест, используемые для измельчения продуктов, иносказательно называются *соқы* (ступка), а пест – *соқы балазы*, т.е. «дитя ступки». Таким образом, в языке оказалась закреплена символическая связь данных предметов с культом плодородия. Объяснить подобные названия можно тем, что ступка и пест предназначены для измельчения продуктов, необходимых для приготовления различных блюд. Кроме того, носители традиционного сознания могли усматривать в самом процессе толчения чего-то пестом в ступке определённое сходство с актом соединения мужского и женского начал и последующего оплодотворения. Это можно подтвердить данными этнографии. Так, С.М. Абрамзоном были зафиксированы различные киргизские обряды, связанные с деторождением. Согласно опубликованным им данным, если у женщины не мог отойти послед, то окружающие предпринимали различные меры, чтобы помочь ей, в том числе сильно стучали три раза в металлическое ведро, деревянное ведро и ступу [7. С. 101].

Приготовление пищи не обходилось без чугунного котла (*қазан*). Он фигурировал в поверьях, связанных с получением камом шаманского дара. Так, жившая на Алтае в первой половине XX в. телеутка Коюн (Ирина Шадеева) рассказывала, что во время шаманской болезни у неё было видение, будто духи разрезали её тело на куски по суставам и положили варить в котёл [8. С. 272]. Прошедший через все испытания кам словно родился заново, он становился *јајалқан* (в дословном переводе – «быть сотворённым») [9. С. 109].

Котёл, а точнее процесс варки на огне, которая невозможна без котла, фигурировал в телеутских представлениях о болезнях, в частности о кори. Если ребёнок заболел корью, то ежедневно старший член семьи окуривал его вереском, произнося при этом молитву, где были такие слова: «Мать-корь, уважаемая!.. / Много раз варившая, / Много раз творившая, / Будучи творцом» [10. С. 33]. Мать-корь (*Корь-эне*) словно бы варила тело ребёнка, изменяя его, поэтому, выздоровев, он воспринимался родными как иное, заново рождённое существо [11. С. 141]. Можно сделать предположение, что участие котла или упоминание варки в нём в подобных обрядах объясняется не только его формой, напоминающей материнское чрево, но и функцией – в котле происходит преобразование продукта, изменение его качества.

Прочную символическую связь котла с дарованием и сохранением новой жизни демонстрирует обряд другого тюркского народа – киргизов. Женщина, у которой часто умирали дети, при рождении очередного младенца пришивала к правому плечу верхней одежды ребенка маленькую перемётную суму из ткани и шла попрошайничать в семь домов, где ребенка заставляли кусать ушки семи котлов и лизать сажу, а в перемётную суму накладывали золу [7. С. 104].

Перевернутый котёл обозначал смерть, что закреплено в самом телеутском языке. Глагол *көмгөр*, означающий «переворачивать вверх дном», является однокоренным с *көм* – зарывать, закапывать, хоронить. Угрозы шамана, обращённые к злым духам, также сопровождалась призывами к духам-помощникам: «Кровавых юзютов чёрных нечистых, / Каменный очаг их разрушайте, / Талкан воду разбросайте! / Таганы – треножки их заставьте греметь, / Казаны их заставьте бряцать, / Разрушая, ради забавы, взволнуйте!» [6. С. 169–170]. Пустой, гремящий котёл – яркий символ разрушения и запустения. Разбитый котёл, по сведениям известного этнографа и лингвиста В.И. Вербицкого, народы Алтая клали в могилу у ног покойника [12. С. 358].

В алтайском эпосе «Маадай-Кара» есть следующие строки, относящиеся к чаше/котлу: «Вертись в воздухе, полетел. / В каменную юрту Талбан-каана, / Живущего за девяноста высокими горами, / Прямо через дымоход упал, / Дно бронзовой чаши, / В которой мясо быка варилось, пробил, / В подземное подводное море ушёл...» [13. С. 302]. Здесь чаша/котёл, а точнее её дно и стенки, выступают границей между Средним и Нижним мирами.

Продолжая рассматривать символику перевернутой посуды, стоит упомянуть ещё один телеутский обряд, связанный с почитанием священных деревьев. В настоящее время, как и в старину, многие семьи устанавливают с восточной стороны дома семейные обереги *сомдор*. Сомдор – это несколько молодых берёзок, скреплённых между собой и установленных с восточной стороны дома (количество берёзок могло варьироваться в зависимости от сеока). Так, например, осенью 2016 г. сомдор было можно увидеть во дворах у следующих жителей села Челухоево (Бековское сельское поселение): Шадеева Владимира Николаевича, Тыдыкова Николая Прокопьевича, Колчегосевой Марии Павловны, возраст которых от 40 до 70 лет. В домах более молодых жителей Бековского сельского поселения, т.е. сёл Беково, Челухоево, а также деревни Верховской, сомдор не выявлены [14. Л. 1].

Каждую весну, как правило на Троицу, совершается ритуал смены берёзок. Раньше обряд смены сомдор проходил при участии шамана, а сейчас его проводит хозяин дома (обязательно мужчина). Во время этого обряда в деревянную чашку *айтак* наливается молоко, и молоком кропятся берёзки. Когда обряд проводился шаманом, то он сначала брызгал молоком в разные стороны, затем пил сам и угощал всех присутствующих. После чего он бросал чашку. Если чашка падала на донышко и прочно стояла на земле, то считалось, что жертва оказалась угодной духам и год будет хорошим (рис. 1). Если же чашка опрокидывалась вверх дном, то полагали, что духи не приняли жертву и год будет плохим. То есть, как и в случае с перевернутым казаном, чашка, упавшая вверх дном, является дурным знаком [Там же].

Рис. 1. Гадание по чашке во время обряда замены сомдор (2016 г.)

В то же время чашка айак является своего рода средством объединения всех присутствующих на празднике. После кропления шаман сначала пил из чашки сам, а затем угощались все присутствующие. Нечто подобное можно встретить и на телеутской свадьбе. Для мужчин на свадьбе устраивается специальное место *күре* (самодельная лавка в виде квадрата). В углу *күре* усаживается старейшина, самый уважаемый человек, а в центре *күре* разжигается костёр и устанавливается казан, в котором варится мясо. Когда мясо готово, его выкладывают в ту же деревянную чашку айак или деревянное корыто *тепиш*. Затем чашка с мясом подаётся старейшине. После того как он отрезает кусок мяса и угощается, чашку начинают передавать – каждый из сидящих на *күре* мужчин, отрезав себе кусок мяса, передаёт её дальше. Таким образом, деревянная чашка является символом объединения, причём не только всех присутствующих на празднике гостей, но и двух семей, так как на *күре* сидят родственники и жениха, и невесты. Все эти люди не просто делят общую трапезу, но и угощаются из одной, общей деревянной чашки. Одному из авторов данной статьи довелось наблюдать этот обряд в 2015 г. в селе Челухоево на свадьбе Шадеевых Александра и Елены [14. Л. 2].

Символическое значение посуды в телеутской культуре тесно связано с идеей плодородия, зарождения, роста и развития новой жизни. Она словно позволяет передать плодородие. Правда, здесь следует сделать оговорку, что непосредственным носителем, как правило, становилась приготовленная в ней пища. Сама посуда зачастую являлась просто вместилищем плодородия.

Например, на родинах обязательно готовили бульон с бараниной, называвшийся *ийт-мүн* («собачий бульон»). Варила его пожилая женщина, сначала она

немного бульона отливала собаке, потом подавала угощение роженице. Если роды были лёгкими, то роженица могла угостить *ийт-муном* собравшихся девушек, чтобы их будущие роды прошли также легко. После трудных родов роженица никого не угощала бульоном [15. С. 74]. Через угощение происходило приобщение собравшихся девушек и женщин к фертильности.

Связи между приготовлением/употреблением пищи и способностью женщины давать новую жизнь запечатлены в самом телеутском языке. Так, пища называется *курсақ*, есть, принимать пищу – *курсақтан*, беременная – *курсақтау* (дословно «имеющая желудок», т.е. с животом).

Среди предметов домашнего обихода особое значение приписывалось составным вещам или тем, что обязательно использовались парно, – молоток, топор, нож и т.д. В них видели наглядное воплощение объединения мужского и женского начал. Причём соотношение части предмета с мужским или женским началом происходило на основе его формы. Выпуклая часть считалась мужской и обозначалась словом *сап* – рукоятка, черенок. Созвучным ему было телеутское название пуговицы – *сапинке*. Вообще, пуговицы и петли, хотя и относящиеся не к домашней утвари, а к национальному костюму, могут послужить наглядной иллюстрацией того, как носители традиционного мировоззрения видели в парных предметах характерной формы соединение мужского и женского начал. Если пуговица называлась *сапинке*, то петля – *тижи*. Последнее слово имело в телеутском языке два значения: «петля на одежде» и «самка».

Следует также отметить, что в языках тюрков Южной Сибири упоминание составных предметов могло

служить метафорическим названием соития. Например, во время свадебного обряда у алтайцев сваты обраща-

лись к родителям невесты со словами: «Я пришёл просить черен для ножа, у которого его нет» [11. С. 119].

Рис. 2. Свадебный обряд. Угощение гостей на кюре (2011 г.)

Важной парой были и упоминавшиеся ранее ковш (черпак) и котёл. Ковш находится в паре с котлом – казан помещали в центре юрты на треножнике, а черпак подвешивали над ним. Согласно этимологии тюркских языков, слово *кош* переводится как предмет (ковш, черпак, чаша) и как действие (перемешивать, добавлять, разбавлять). И даже имеет более широкое значение – один из составляющих пару, пару супругов [16. С. 89–91].

Необходимо отметить, что часть из описанных в статье обрядов в той или иной форме сохранилась до наших дней (например, свадебные обряды и почитание сомдор), но о многих сейчас можно узнать лишь из описаний учёных. Это касается преимущественно шаманских обрядов. В настоящее время как сохранившиеся, так и ушедшие в небытие обряды телеутов реконструируются в Бековском историко-этнографическом музее «Чолкой». Неоднократно сотрудниками музея совместно со школьниками и студентами проводился обряд установки сомдор. Также регулярно в музее проводится реконструкция свадебного обряда. Кроме того, среди экспозиций под открытым небом в музее «Чолкой» есть кюре, поэтому в последние годы устроители большинства свадеб, проходящих в селах Беково, Челухоево и Верховская,

просят о том, чтобы участники-мужчины расположились именно на музейном кюре. Сотрудники музея всегда идут навстречу молодожёнам. Благодаря этому посетители музея «Чолкой» могут своими глазами увидеть некоторые элементы свадебного обряда. Например, как мужчины сидят на кюре, как в центре кюре стоит казан, в котором варится мясо, и как мужчины передают по кругу деревянную чашку с мясом [14. Л. 2]. Некоторым посетителям даже удаётся стать участниками обряда (рис. 2).

Подводя итоги, можно сказать, что в традиционной культуре телеутов различные предметы домашнего обихода наделялись определённым символическим значением. Значение это было связано с культом плодородия, так как все эти предметы использовались при приготовлении пищи и тем самым помогали поддерживать жизнь. Предметы домашнего обихода соотносились с этим культом на основе их формы, напоминающей чрево, лоно (ступка, котёл) или же могущей символически изображать мужское начало (пест, мутовка). Другой важной характеристикой предметов, ассоциировавшихся в традиционной культуре телеутов с почитанием плодородия, была их парность, когда использование одного предмета невозможно без другого – ступка и пест, котёл и черпак. То же самое относится и к составным предме-

там, выпуклая часть которых (рукоять, черенок) соотносилась с мужским началом, а другая часть – с женским.

Представленная в статье информация может быть полезна для сохранения материального и нематери-

ального культурного наследия телеутского народа, например, её можно учитывать при разработке сценариев музейных праздников и планов музейных уроков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm, свободный (дата обращения: 27.10.2016).
2. Белозёрова М.В. Глобализация и некоторые проблемы коренных малочисленных народов // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики : сб. науч. ст. по итогам всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.) / отв. ред.: В.В. Поддубиков ; редкол.: В.Г. Дружинин [и др.] ; сост. В.В. Поддубиков ; КеМГУ. Кемерово : Практика, 2014. С. 96–101.
3. Сегал Д.М. Мир вещей и семиотика // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 38–41.
4. Байбурина А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–88.
5. Карымова С.М. Особенности бытия вещи в традиционной культуре : автореф. ... дис. канд. философ. наук. Барнаул, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-bytiya-veschi-v-traditsionnoy-kulture>, свободный (дата обращения: 3.11.2016).
6. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой / отв. ред. акад. И.И. Мещанинов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
7. Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаев и обрядов тянь-шанских киргизов) // Сборник Музея антропологии и этнографии / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР ; отв. ред. С.П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 78–138. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xii/mae_xii_03.pdf, свободный (дата обращения: 2.11.2016).
8. Дыренкова Н.П. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племён // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1930. Т. IX. С. 267–291. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkPoluchenie.pdf>, свободный (дата обращения: 23.11.2016).
9. Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 10. С. 107–190. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaMaterialy.pdf>, свободный (дата обращения: 01.11.2016).
10. Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1927. Т. 6. С. 19–36.
11. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Л.Э. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1988. 225 с.
12. Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладгского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 496 с.
13. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М. : Наука. Глав. Ред. вост. лит-ры, 1973. 476 с.
14. Архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 3. Оп. 1. Д. 138.
15. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отд-е Алт.о кн. изд-ва, 1981. 182 с.
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». М. : Вост. лит., 2000. 265 с.

Orlova Yelena A. State Autonomous Cultural Institution of Kemerovo region “Historical Cultural and Natural Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa” (Kemerovo, Russia). E-mail: orlovaea42@gmail.com; *Cheloukhoev Vladimir V.* Municipal Budgetary Institution “Museum of History and Ethnography “Cholkoj” (Bekovo village, Belovo District, Kemerovo region, Russia). E-mail: cholkoj@yandex.ru

SYMBOLIC MEANING OF SOME HOUSEHOLD ITEMS IN THE TRADITIONAL TELEUT CULTURE.

Keywords: Teleuts; symbols; household items; traditional worldview.

This article explores the symbolic meaning of certain household items in the traditional Teleuts culture – indigenous minority of South Siberian Turkic peoples, on the basis of participant observation (Bekovsky rural settlement, 2015–2016), as well as scientific publications. The phenomenon of granting household items and tools specific symbolic meaning in the traditional Teleut culture has not been sufficiently studied so far. Ethnographers have done a huge amount of work collecting the Teleut folklore, describing various rituals, forms of subsistence activities etc. The authors relied on published materials by V.I. Verbitsky, N.P. Dyrenkova, L.E. Karunovskaya and other scientists while carrying out the study. Researchers, who worked in the framework of a structural-semiotic approach, contributed greatly to the understanding of the essence of the thing as a symbol and method of transmission of cultural meanings. For instance, the authors cite works by A.K. Bayburina and D.M. Segal. The thing as a symbol in the traditional Turkic culture was studied by E.L. Lvova, I.V. Oktyabrskaya, A.M. Sagalaev, M.S. Usmanova, P.K. Dashkovskiy, S.M. Karymova and others. The study revealed that the Teleuts traditionally associated household items, such as utensils and tools, mostly with fertility. There are several reasons for that. Firstly, the object’s shape was important. Concave items such as pot, ladle, wooden cup, mortar represented the feminine principle. It is worth noting that, when objects were turned over or broken, they were associated with death and misfortune. Convex objects like pestle, whisk, knife handle and so on, respectively, represented the masculine principle. Another important characteristic of objects associated with fertility in the traditional Teleut culture was their dyad, when the use of one item is impossible without the other, such as mortar and pestle, pot and ladle. The same applies for composite objects, the convex part of which (handle, haft) correlated with the masculine, and the other part - with the feminine. Such ideas are reflected in Teleut language, folklore, customs and rituals. Thus, the allegorical names of different objects may be associated with birth or death. For example, in Teleut language a mortar and pestle are called *soky* (mortar) and *soky balazy* (“mortar’s child,” pestle). Shamanic rituals include a cauldron in which the body of a future shaman is created anew. A divination by a wooden bowl could predict whether a year will be favorable or not. There are other examples confirming the conclusions made by the authors. The article shows the extent to which such ideas are preserved in the Teleut culture to this day. These findings could be useful in the development of museum festivals and museum lessons, which help to preserve the intangible cultural heritage of indigenous peoples.

REFERENCES

1. The State Statistics Committee of the Russian Federation. (n.d.) *Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiyskoy perepisi nasele-niya 2010 goda* [Information materials on the results of the 2010 All-Russian Census]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 27th October 2016).
2. Belozerova, M.V. (2014) Globalizatsiya i nekotorye problemy korennykh malochislennykh narodov [Globalization and some problems of indigenous minorities]. In: Poddubikov, V.V. (ed.) *Malochislennyye etnosy v prostranstve dominiruyushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoy politiki* [Ethnic minorities in the dominant society: The practice of applied research and effective tools of ethnic politics]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 96–101.
3. Segal, D.M. (1985) Mir veshchey i semiotika [The world of things and semiotics]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*. 6. pp. 38–41.
4. Bayburin, A.K. (1989) Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya veshchey [Semiotic aspects of things functioning]. In: Mylnikov, A.S. (ed.) *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [The ethnographic study of the iconic cultural assets]. Leningrad: Nauka. pp. 63–88.
5. Karymova, S.M. (2010) *Osobennosti bytiya veshchi v traditsionnoy kul'ture* [The being of things in the traditional culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Barnaul. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-bytiya-veschi-v-traditsionnoy-kulture>. (Accessed: 3rd November 2016).
6. Dyrenkova, N.P. (1940) *Shorskiy fol'klor. Zapisi, perevod, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya*. [The Shor folklore. Records, translation, introduction article and notes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Abramzon, S.M. (1949) Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka (iz obychev i obryadov tyan'-shanskikh kirgizov) [The birth and childhood of a Kyrgyz child (from the customs and rituals of the Tien-Shan Kyrgyz)]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 12. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 78–138. [Online] Available from: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xii/mae_xii_03.pdf. (Accessed: 2nd November 2016).
8. Dyrenkova, N.P. (1930) Poluchenie shamanskogo dara po vozzreniyam turetskikh plemen [Getting shamanic gift according to the views of the Turkish tribes]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 9. pp. 267–291. [Online] Available from: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkPoluchenie.pdf>. (Accessed: 23rd November 2016).
9. Dyrenkova, N.P. (1949) Materialy po shamanstvu u teleutov [Materials on shamanism Teleuts]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 10. pp. 107–190. [Online] Available from: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/DyrenkovaMaterialy.pdf>. (Accessed: 1st November 2016).
10. Karunovskaya, L.E. (1927) Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom [From Altai believes and practices associated with the child]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 6. pp. 19–36.
11. Lvova, L.E., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Rem world]. Novosibirsk: Nauka.
12. Verbitskiy, V.I. (2005) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [A Dictionary of Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
13. Surazakov, S. (ed.). (1973) *Maaday-Kara. Altayskiy geroicheskiy epos* [The Altaic heroic legends and the epic “Maadai-Khara”]. Moscow: Nauka.
14. The Archive of the Museum-Reserve “Tomskaya Pysanytsa.” Fund 3. List 1. File 138.
15. Shatinova, N.I. (1981) *Sem'ya u altaytsev* [Family in the Altai]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otd-nie Altayskogo kn. izd-va.
16. Sevortyan, E.V. (2000) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu “K”* [The Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and inter-turkic stems with the letter “K”]. Moscow: Vostochnaya literatura.